

Мастерство игры... на нервах

Тору Мотидзуки

Все началось с того, что Яреци, после общего собрания и объявления о объявлении о возможности поучиться чему-то у мастеров дружественного монастыря, загорелась желанием посетить Цитадель Птиц, хоть он и был против. Но кто он такой, чтобы слушать его доводы о необходимости поберечь свое здоровье и тяжести перехода... Всего лишь муж. Который, естественно, ни в чем не разбирался и преувеличивал возможные опасности. Хотя сам Тору уже давно начал считать, что он не муж, а слабак, который и мужчиной называться не может, поскольку позволяет жене вертеть им так, как ей вздумается. Ведь, конечно, после уговоров и многочисленных доводов он сдался и согласился сопровождать Яреци в место, где ему нельзя было даже лишний раз обнять жену, чтобы не вызвать лишних вопросов и чьего-то неодобрения.

В Цитадели Птиц они успели провести всего пару дней, а раздражение Тору, с которым он сюда прибыл, так никуда и не делось. Даже хуже, оно только увеличилось в размерах, рискуя выбраться наружу и проявить себя во всей красе. Поэтому, чтобы хоть как-то справиться с негативными эмоциями и не напугать Яри, Тору воспользовался тем, что она решила задержаться в столовой и побеседовать с одной из местных монахинь и отправился на площадку для тренировок, захватив с собой вакидзаси и собираясь направить свой пыл на одно из соломенных чучел, подготовленных для учеников из Линь Ян Шо.

Его соломенный противник выглядел так, словно ему было совершенно плевать на чужие страдания, за что Тору сразу приговорил его к неминуемой гибели. Работа с вакидзаси заметно отличалась от работы с катаной, в первую очередь, скоростью и комбинацией ударов. Если во втором случае достаточно было одного, максимум, двух ударов, то, при использовании более короткого меча, Тору ориентировался на скорость и целую серию ударов, наносимых по условным частям тела противника. Выглядело это примерно так: сначала Тору быстро подрезал несуществующие конечности в плечевой части, а затем наносил прямой удар в живот или прорезал соломенную шею сбоку, быстро меняя сторону нападения с левой на правую, или делал еще что-то подобное, постепенно приводящее несчастное чучело в абсолютно непотребный вид и вызывающее вопросы к психическому здоровью человека, так старательно кромсающего тренировочный инвентарь.

Яреци Фернандез

Прошло всего несколько дней после приезда в этот новый монастырь, а ей начало казаться, что что-то кто-то делает не так. Тору ходил раздраженный, с ним поговорить так и не удавалось, если быть точнее, то они, конечно, разговаривали, только вот ощущалась какая-то недосказанность, и она чувствовала свою вину за это. Ведь это она его притащила сюда, хотя он переживал за ее здоровье. Но лекари ей разрешили путешествовать и не доверять им у нее не было оснований.

В столовой она разговорилась с одной монахиней, достаточно молодой, а потому не сразу заметила, что Тору ушел. Когда собеседница закончила свою трапезу, она

помогла собрать и помыть тарелки и покинула столовую в поисках мужа.

Его она нашла достаточно быстро на тренировочной площадке. Он работал с короткими мечами, как же они назывались? Вакидзаси, кажется? Она вздохнула и стала завороченно смотреть на его тренировку с манекеном. Плавные и доведенные до автоматизма движения. Вот только ей казалось, что он не просто тренируется, а...

- Это все из-за меня? Поговори со мной, пожалуйста, - сказала она твердым голосом, пока еще не решаясь подойти к нему ближе. Прикусила губу, понимая, что сейчас разговор может быть очень серьезным. И от того, как она спбя поведет может зависеть будущее Тору, малышке и ее собственное.

Тору Мотидзуки

Планомерное превращение чучела в груды бесполезной соломы немного успокаивало и позволяло на короткое время забыть о том, что Яреци всегда делала то, что хотела, не прислушиваясь к его советам, и что ему приходилось следовать чужим дурацким правилам, определяющим, что и как он мог себе позволить. И вакидзаси, следуя его воле, ловко порхала в руках, нанося все новые и новые удары.

От его занятия Тору отвлек голос жены, которую, похоже, не слишком обрадовала его самозабвенная битва с тренировочным манекеном. Услышав адресованные ему вопрос и просьбу, мужчина опустил меч и обернулся в сторону Яреци, пытаясь понять, как правильно себя повести в этой ситуации. Он не хотел расстраивать девушку отказом, но не был уверен, что его дурное настроение не наложит отпечаток на их разговор и не доведет его жену до слез, которые та и так лила чаще, чем следовало.

- Хорошо, - ответил он после некоторых колебаний. - Давай поговорим.

Понимая, что меч ему больше не понадобится, Тору убрал его в ножны и подошел к Яреци, показывая, тем самым, что он готов выслушать все, что она ему скажет. Он, конечно, догадывался в какое русло сейчас направится разговор, но не хотел сам провоцировать неприятные вопросы, ответы на которые могли не слишком понравиться Яри.

Яреци Фернандез

Он остановился и некоторое время смотрел на нее. Она сглотнула и отступила на шаг, когда он подошел к ней. Его голос был нормальным, да и лицо тоже, но вот что-то ей не понравилось в нем. Наверное то, что в глазах была целая буря самых разных эмоций. И это пугало. Ей показалось, что он злится на неё из-за того, что она заставила его приехать в этот монастырь, и теперь вернуть хрупкий мир в семью может не получиться.

Она сжала края ветровки и снова сглотнула.

- Тору, я... - Тихо прошептала она и осеклась, понимая, что снова вот-вот готова разреветься. В очередной раз показать, что она не способна ни на что кроме как

лить слезы на пустом месте и вызывать жалость. Она не хотела, чтобы ее жалели. Не в этот раз.

Почувствовав, что на глаза наворачиваются слезы, она отвернула от него голову и подставила лицо ветру, который высушил ее глаза. Сильно сжав руку в кулак, до почти реальной боли, она вернулась к теребению краев куртки.

Нужно сказать хоть что-то. Было очень страшно, сердце стало бешено колотиться в груди. По телу прошла слабая дрожь, которая не была заметна под курткой, как она надеялась.

- Я... - молчание было долгим. - Понимаю, что мне нужно повзрослеть и научиться отвечать за свои поступки. Я... понимаю, что веду себя как избалованный ребенок, я тебя никогда не слушала и всегда делала только так, как хочу. Ты... ты имеешь полное право высказать мне все, что думаешь о моем желании приехать сюда и потащив тебя в женский монастырь, чтобы обучиться чему-то. Только, пожалуйста, не молчи...

Она даже не знала, что для нее в этот момент было страшнее - его какие-нибудь высказывания в ее адрес или полное молчание. Слова могут сильно ужалить. Молчание может причинить намного больше боли. Она не была готова ни к тому, ни к другому, просто сейчас ей казалось, что ее слезы могут нарушить ту слабую грань между миром их маленькой семьи и миром внешним...

Тору Мотидзуки

Конечно, Яреци чувствовала его недовольство, которое он, после того, как они уже добрались до Цитадели Птиц, предпочитал скрывать, и вместо того, чтобы просто оставить его в покое или начать, наконец, к нему прислушиваться, она снова была готова разреветься, заставляя его чувствовать вину за свою несдержанность. Хотя Тору и был раздражен, он понимал, что раз не смог настоять на своем, теперь не стоило и возвращаться к этому вопросу, но девушка требовала от него каких-нибудь комментариев, и ему приходилось их давать, стараясь подбирать слова, которые бы не стали усугублять ситуацию.

- Яреци, ну вот что я должен сказать? Что мне не нравится, когда ты не прислушиваешься к моим словам и все делаешь по-своему? Или что меня напрягает необходимость спать в одиночестве и отсутствие возможности лишний раз до тебя дотронуться, а уж про обнять или чего-то еще я вообще молчу? Мне кажется, это и так очевидно. Но я стараюсь лишний раз не высказывать свое недовольство. А ты если хотела учиться - учись. А то получится, мы зря сюда приехали.

Сам Тору уже тоже присмотрел одну монахиню, с которой ему было интересно побеседовать о ее навыках и, если она позволит, немного попрактиковаться в паре, но это не отменяло того факта, что он продолжал считать подобные путешествия для беременных женщин абсолютно неприемлемыми. А им еще предстояла обратная дорога и скорое возвращение в Пекин, не говоря уж о будущем перелете в Японию, учитывая желание девушки рожать именно там. И что-то подсказывало Тору, что у их дочери найдется немало вопросов по поводу ответственности и адекватности родителей, если она узнает о том, чем они занимались во время

беременности мамы.

Яреци Фернандез

Она стояла с опущенной головой и смотрела на свои ноги в кроссовках, которые пока еще были заметны за еще не очень большим животом. Она боялась поднять глаза на мужа, боясь увидеть в его глазах гнев и даже ненависть. Боялась, что если поднимет на него глаза, то он испепелит ее взглядом. Потому что он чертовски прав. Потому что она не хочет признаться даже себе, что без его внимания, объятий, поцелуев, да просто разговоров ей очень тяжело и одиноко.

- А ты, что ты будешь делать, пока я буду учиться? - Она пока не решалась поднять голову, боясь смотреть на него.

У нее пока не получалось быть сильной, но и слабой она не хотела оставаться. Наверное, надо показывать смирение и всегда делать то, что говорит и требует муж. Не требовать чь-то, а просто делать так, как говорит муж. Во всем его поддерживать.

Она совершенно не знала, что ей делать, но она хотела верить, что Тору не будет слишком сильно ругаться из-за того, что они отправились сюда. Она хотела, чтобы они не страдали.

- Там долина есть. Может пройдемся вечером? Или... ты будешь занят?

Тору Мотидзуки

Выслушав то, что он хотел ей сказать, Яреци опустила голову и стала похожа на нашкодившего котенка, боящегося посмотреть на того, кто собирался наказать его за шалости. Правда сам Тору никого наказывать не собирался. Раз он на ней женился, то должен был воспринимать как равную себе и пытаться меньше возиться с Яри, словно с маленьким ребенком, что было вполне допустимо в бытовых мелочах, но могло негативно сказаться на их отношениях в серьезных вопросах. А если уж он решил видеть в ней взрослую, то и отвечать за последствия своих поступков также стоило давать ей самой.

- Я всегда найду чем заняться. - Тору кивнул головой в сторону измочаленного чучела. - За это можешь не переживать. - Хотя он прекрасно понимал, что слова "не переживать" и "Яреци" были, что в его представлении, что в реальной жизни, просто не совместимы.

- Хорошо, пройдемся. - Тору не имел ничего против небольшой прогулки там, где было меньше лишних осуждающих глаз и ушей. Никто не мог гарантировать, что подобная светлая мысль не придет в голову кому-то еще, вроде наводнивших женский монастырь обитателей Линь Ян Шо. Этих любознательных ребят трудно было долго держать на одном месте и, судя по развитию событий, они собирались облазить всю Цитадель Птиц вдоль и поперек. Но количестве таких любопытников в долине объективно становилось намного меньше.

- Нашла здесь для себя что-нибудь интересное? - Тору надеялся что хотя бы с этой стороны их поездка окажется продуктивной. Раз уж Яреци приспичило учиться у

новых мастеров, нужно было воспользоваться предоставленной возможностью и взять новых знаний по-максимуму, поскольку задержаться надолго они здесь не могли по объективным причинам.

Яреци Фернандез

У него был другой голос. Не раздраженный, не недовольный, а какой-то другой. Он даже не был зол. В нем чувствовалось... безразличие? Ему хотелось, чтобы она сейчас ушла заниматься дальше, оставив его одного? Нет, может это просто она себе все накрутила? Она подняла голову и с опаской посмотрела на него, ожидая увидеть в его глазах гнев и раздражение. Но в них читалась усталость и какое-то огорчение. Одиночество. Она прикусила губу, чтобы не разреветься. В груди защемило, и она снова опустила голову.

В первый момент у нее было желание прижаться к нему, реветь и просить прощения. Но если она хочет быть взрослой, сильной и смелой, то, вероятно, ей нужно делать что-то другое. Он не будет всю жизнь терпеть ее слезы и страхи и ждать, когда она повзрослеет. Сколько он так проживет? Месяц? Неделю? Год? Наверное, даже недели больше не протянет. И больше никогда не посмотрит на нее...

- Я... рада, что тебе есть чем заняться. Только... не... перетруждайся, а то можешь устать, - выдавила она из себя, снова посмотрев на него и слабо и ласково улыбнулась.

На предложение прогуляться вечером по долине он ответил утвердительно, и она улыбнулась уже пошире. Хотя через мгновение улыбка слетела с ее лица. Может он просто согласился, чтобы она ушла от него и не мешала ему резать своим оружием бедное соломенное чучело?

- Да, я нашла себе занятие. Вот сходила на мастер-класс по офуда, но у меня ничего не получилось. Надо было написать заклинание, чтобы вызвать образ человека, чьи четки лежали на столе. Хочу еще посетить занятие по следопытству и, наверное, по каллиграфии. Может еще на что-то схожу...

Она замолчала, решив, что и без того говорила много. Она всегда много говорила. Может, стоит остановиться и начать слушать? И желательно слушать, что говорят?

Тору Мотидзуки

Было заметно, что Яреци непросто давалась необходимость сдерживаться и не начать реветь, как она обычно это делала, но, на этот раз он решил никак не комментировать ее состояние, давая ей возможность самой справиться с негативными эмоциями, хотя где-то в глубине души, у него уже начало зарождаться желание прижать ее к себе и постараться успокоить. Но от этих действий его останавливало понимание того, что он не всегда сможет быть рядом, и девушке самой стоит научиться реагировать на все происходящее не так бурно.

- Не волнуйся, я умею грамотно распределять свои силы.

Тору до сих пор удивляло, что при наличии его многолетнего опыта, Яреци до сих

пор подозревала, что он мог пораниться на тренировке или серьезно перетрудиться, поскольку здоровая усталость в такой ситуации была нормальна и вполне ожидаема.

- Хорошо. Рад что ты нашла для себя интересные занятия. - Сам Тору успел познакомиться со способностями местных мастеров только мельком, но даже та небольшая часть, которую он успел увидеть, очень впечатляла. Катана, японские луки из которых он, конечно, никогда не стрелял, но о которых знал достаточно много... Здесь было на что обратить внимание как практику, так и исследователю, коим он являлся. И все было бы вполне прекрасно, если бы не неприятный осадок от того, как именно они сюда попали.

- Ты хочешь здесь пробыть до нашего возвращения в Пекин или планируешь еще несколько дней провести в Линь Ян Шо?

Сам Тору предпочел бы второй вариант, поскольку между тяжелыми переходами следовало делать небольшие паузы для отдыха. А возвращаться в китайскую столицу отложить на более дальний срок было невозможно. Работа ждала, хотя с учетом пожелания Яреци рожать в Японии ему светила необходимость ее бросать, подводя, тем самым, своих работодателей и снова переходить на многочисленные подработки, поскольку на большее в Японии он сильно мог и не рассчитывать.

Яреци Фернандез

- Извини, - одними губами прошептала девушка, когда он сказал, что умеет грамотно распределять свои силы.

Вообще она сильно надеялась, что он не услышал это слово и не увидел шевеления губ. А то вдруг он разозлится на нее? Но ведь она волнуется. Вдруг он случайно оступится или поранится? Ведь никто не застрахован от ошибок. Вдруг у него что-то пойдет не так, и он сильно устанет? Или это просто ее болезненное воображение? Как может ребенок помочь взрослому человеку? Как может ребенок понимать, что взрослые люди более ответственны? Особенно такие как Тору?

Она тяжело и глубоко вздохнула и посмотрела на него.

- Я... не знаю... мне страшно... я боюсь неизвестности. Уже скоро зима, и я боюсь. Тору, я боюсь уезжать оттуда. Из Линь Ян Шо. - Пробормотала она, скрывая слезы. Только бы не разреветься...

Тору Мотидзуки

Яреци снова пыталась извиниться, хоть и делала это так, что произнесенное ей слово было практически невозможно разобрать, но Тору успел очень хорошо изучить жену: ее мимику, жесты и, конечно, постоянную манеру извиняться. Так что ему не составило труда понять, что она снова вернулась к своей любимой теме, хоть он много раз просил ее этого не делать.

- Яри, - Тору тяжело вздохнул, - некоторые решения даются нелегко, но их все равно приходится принимать. Возможны разные варианты, вплоть до того, что ты останешься в Линь Ян Шо до родов, но в любом случае, нам нужно все обсудить и

остановиться на чем то одном.

Тору не был в восторге от необходимости все бросать и возвращаться в Японию, но пошел бы на такие действия, если бы его жена твердо определилась с тем, что ей нужно именно это и ничего другое. Но она, похоже, и сама до конца не понимала, что для нее лучше, поэтому итоговое решение, как обычно, перекладывалось на него.

- Иди сюда. - Тору все таки не смог дольше смотреть на страдания Яреци, старающейся не разреветься и притянул ее к себе. И пусть подобное поведение могло быть не одобрено окружающими, ему было плевать. Он никогда не был послушным мальчиком, а затем и вовсе вырос в совершенно непослушного мужчину, так что обычные объятия являлись мелочью по сравнению с тем, что у него еще имелось в запасе.

Яреци Фернандез

Его тяжелый вздох заставил ее вздрогнуть и опустить голову. Она понимала, что ведет себя совсем как ребенок, что абсолютно ничего не изменилось и что ему можеь скоро это надоест. А что тогда произойдет, если ему это надоест? Ответ прост как день - он спокойно сможет уйти от нее. Она боялась, и она действительно не понимала, почему ее мозг упорно не хочет принимать его. Она любит его, очень сильно и крепко, но боится, что у нее не получится быть той женщиной, которая сможет ему подарить тепло и домашний уют.

- Я не знаю, любимый. Я... запуталась. Я... не хочу, чтобы ты страдал. Но... у нас в монастыре есть домик. Мы можем жить там. Просто... я не имею ничего против, просто... - она подняла на него глаза. - Просто я... не знаю, что делать. Я думала, действительно ли нам так необходимо лететь в Японию... Не скрою, мне понравились твои родственники, и я бы хотела, чтобы они видели нашу дочку. Конечно, мне больше всего хотелось бы, чтобы я виделась чаще с папой, но это невозможно.

Когда он ее обнял, она привычно жалобно уткнулась в его плечо, но не стала реветь. Ей было плевать на запреты, ведь неужели нельзя законным супругам обниматься? Они же не делают ничего плохого?

- Давай отправимся в Линь Ян Шо... дня через два... а потом... а дальше я не знаю, что делать. Совсем. И мне очень страшно.

Она тоже обняла его за шею и запустила пальцы в его волосы. Потянулась к нему, чтобы его поцеловать.

Тору Мотидзуки

В очередной раз Тору порадовался, что они находятся достаточно далеко от цивилизации, и что им не нужно исполнять свои решения, сразу после того, как они их приняли. Потому что идеи Яреци менялись со скоростью света, и если бы они сейчас были в Пекине, то он поставил бы себя в неловкое положение, сказав о своем желании уволиться, а потом резко передумав. В отличие от непостоянных молоденьких девушек Тору не мог позволить себе такой роскоши, как унижающая

его достоинство перемена своего мнения на диаметрально противоположное, поэтому, вынеся из всего этого важный урок, пообещал себе десять раз подумать, прежде чем принимать решение по вопросу их проживания и места, где родится их дочь.

- Мои родственники в любом случае увидят нашу дочку. Я же не отказываюсь вообще возвращаться в Японию. Просто таскать тебя на дальние расстояния, когда осталось не так уж и долго до родов, я считаю неразумным.

Яреци не стала делать ему замечания по поводу объятий, прижавшись к нему и уткнувшись в его плечо. Похоже ей уже тоже не хватало их спокойной счастливой жизни в небольшом домике, как и привычной близости, заключающейся в постоянных физических контактах, вроде прикосновений, объятий и поцелуев. Кстати о последних. Яреци похоже совершенно забыла, что они находятся в женском монастыре и, ничего не стесняясь, стала провоцировать его на поцелуй. И разве он как хороший муж мог ей в этом отказать? На этот вопрос Тору ответил для себя однозначно и, в очередной раз наплевав на чужое мнение, принялся целовать Яреци так, что мог засмущать даже полуразвалившееся чучело, которое, к счастью, не могло сделать им замечание или как-то помешать.
